

Интервью с Иоффе Татьяной Владимировной

Проект «Российское китаеведение – устная история»

Interview with Tatiana Vl. Ioffe

“Russian Sinology – Oral History” Project

Иоффе Татьяна Владимировна (ТВ) Китаевед, преподаватель, переводчик Дата интервью: 10 марта 2021 г. Место: Омск–Москва (дистанционно через Zoom) Вела интервью: Мачулко М.А. (ММ) Видеозапись интервью: Мачулко М.А. Редактирование и примечания: Головачёв В.Ц., Мачулко М.А. Продолжительность: 3 ч. Объем: 2,1 п.л.	Tatiana Vl. Ioffe Sinologist, professor, interpreter Date: March 10, 2021 Place: Omsk–Moscow (remote, via Zoom) Hosted by: Maria Machulko Video, recording: Maria Machulko Editing and comments: Valentin Ts. Golovachev, Maria A. Machulko Duration: 3 hours Volume: 47 pages
--	---

Иоффе Татьяна Владимировна (1961 г.р.), г. Ленинград. Китаевед, переводчик, преподаватель китайского языка. Проживает в г. Омске. Окончила факультет иностранных языков ОмГПИ им. Горького по специальности «французский и немецкий языки» (1983), по специальности «китайский язык» (1996). Доцент кафедры восточных языков ОмГПУ (с 1994), переводчик Администрации г. Омска и Правительства Омской области (с 2008), переводчик Омской торгово-промышленной палаты (с 2000). Победитель I Всероссийского конкурса учителей и преподавателей китайского языка «Язык дружбы» (Москва, 2021). Основные труды Иоффе Т.В.: УМК по обучению иероглифике, включающий учебное пособие «Китайский язык», «Учебное пособие по иероглифике китайского языка» (рабочая тетрадь), «Учебное пособие по китайской каллиграфии» (прописи с лингвокультурным компонентом), Омск: Изд-во ОмГПУ.

ММ: Здравствуйте, позвольте начать с просьбы коротко представиться для тех, кто будет читать или слушать это интервью!

ТВ: Добрый день, меня зовут Иоффе Татьяна Владимировна. Я работаю в городе Омске, в Омском государственном педагогическом университете. Я

доцент кафедры восточных языков. Работаю в университете уже почти 30 лет, с первого дня его основания в 1994 году. В те времена это была ещё секция китайского языка, которая через несколько этапов структурных преобразований превратилась в самостоятельное структурное подразделение ОмГПУ – кафедру восточных языков. Я там работаю с первого дня, первого часа, первой минуты.

ММ: Расскажите, кем были ваши родители?

ТВ: Я из военной семьи в нескольких поколениях. Мой отец Иоффе Владимир Шаявич (1934–1987) – кадровый офицер, подполковник-инженер, связист. А мама, Иоффе Валентина Федоровна (1931–2007), была из семьи учителей, у неё педагогическое образование. Она окончила Московский государственный педагогический институт, прошла путь от простого учителя в школе до декана факультета иностранных языков Омского государственного педагогического университета. Прошла все стадии преподавательского, научного, карьерного роста.

ММ: Какие языки преподавала ваша мать?

ТВ: У мамы были французский и немецкий языки. У меня тоже два образования. Первое образование было француско-немецкое, и второе – уже китайское.

ММ: Почему вы поменяли романско-германское направление на восточное? Может, кто-то повлиял на этот выбор?

ТВ: Нет, никто не повлиял, абсолютно. Это было стечение обстоятельств. Меня всё устраивало в моей специальности, во французском и немецком языках. Я была полностью реализована, надо это отметить, и как преподаватель, и как переводчик. У меня было всё: и хороший уровень, и хороший рост. Но всё это пришлось на 1990-е годы, ломку вообще всего, что могло сломаться в те времена, благо, ничего не сломалось в моей жизни, а только радовало. В то время я совершенно случайно попала на урок китайского языка, предварительно посмотрев, что такое китайский язык в «Малой советской энциклопедии», которая была дома. И пошла на урок с тем

убеждением, что это не для меня, что это не про меня. Из той энциклопедической статьи я мало что поняла, но тем не менее пошла!

ММ: А до того, как вы решили пойти на тот урок и прочли про китайский язык в энциклопедии, было ли у вас уже знакомство с Китаем, китайским языком?

ТВ: То время как раз выпало на развитие торговли с Китаем, это было какое-то сумасшествие, я бы так сказала. Была спонтанная торговля, мелкая торговля, непонятно какая торговля, что-то на что-то менялось, бартер и так далее. И вот в ту эпоху сумбура ректор университета, и не только нашего университета, понял, что нужно развивать новые направления и открыл секцию китайского языка, китайскую специальность. Первую по тем временам коммерческую специальность, на которую и был сделан первый набор. Но поскольку специалистов не было по определению, не только в Омске, но и вообще во всей Сибири, Западной Сибири, именно профессионального преподавателя с китайским языком не было. Поэтому были приглашены школьные учителя из Китая, из небольшого города Бэйань в провинции Хэйлуцзян, на севере Китая. Были приглашены четыре преподавателя, которым и был полностью отдан процесс обучения китайскому языку. Здесь были большие плюсы и большие минусы. Очень быстро эйфория от того, что работают только китайские преподаватели отошла. Я и сейчас стою на позиции, что родной язык должен быть в родной стране при обучении иностранному – это важно! И его отсутствие имело достаточно серьёзные последствия. О том, что происходит на факультете, я знала только из маминих рассказов. Собственных мыслей, что я когда-нибудь буду заниматься китайским языком, не было. Была просто такая семейная информация о том, что происходит на факультете. Не более того.

ММ: Но вы все же пошли на курсы китайского языка?

ТВ: Да, мама сказала: «Приехал французский преподаватель китайского происхождения с русскими корнями, он хочет возрождать Россию и обучать

китайскому языку. Не хочешь ли ты сходить на его урок?» Я посмотрела в энциклопедии, что такое китайский язык, и пошла.

ММ: Это была ознакомительная лекция или уже курсы китайского языка?

ТВ: Записи на курсы никакой не было, потому что в те времена (это был 1991–1992 год) формальная организация чего-либо отсутствовала в принципе, не как сейчас – целый ритуал нужен, юридический и административный, чтобы записаться куда-либо. В те времена всё было просто, официально этих курсов не было, то есть как юридической структуры. Это было просто такое собрание в аудитории. Тогда пришло более ста человек. Пришли очень известные в те времена в Омске переводчики, многих из которых я уже знала. Были и люди, которые уже изучали китайский язык самостоятельно, по самоучителю, которые считали, что у них очень высокий уровень. Совершенно потрясающие люди там были! Было больше ста человек, это

Н.П. Лысенко
Омск, 1992

была первая лекция профессора *Николя Лысенко*¹. Он говорил на французском и на русском языках, некоторые слова он говорил по-французски, не зная, как сказать это по-русски, у меня сработал, наверное, инстинкт переводчика, и я стала немножко помогать вести эти занятия, переводить с французского на русский всей аудитории, и как-то, не знаю, как это объяснить, но я

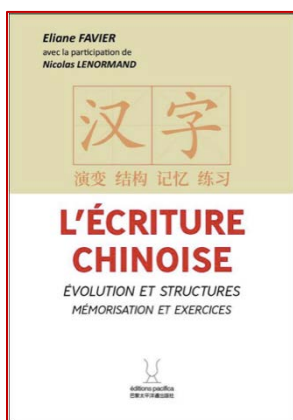
пришла на вторую лекцию.

ММ: Как складывалось обучение китайскому языку с Николаем Петровичем Лысенко?

ТВ: Очень тяжело оно складывалось, во всяком случае, для меня. Это было разрушение всех стереотипов, уже сложенных советской стройной методикой – очень хорошей методикой, уже сложившимся опытом

¹ *Лысенко Николай Петрович* (Nicolas Lyssenko, 1944–2016). Китаевед, лектор-преподаватель кит. яз. в Парижском университете VII (1983–2015), исследователь современного кит. яз., кит. иероглифики, разработчик «программированного метода обучения китайскому языку». Родился и прожил первые несколько лет в Харбине.

преподавания двух языков и возрастом. Всё-таки мне уже было 30–31 год, была семья, ребёнок. Ещё шокировали вещи, которые говорил Николай Петрович и о которых мы вообще даже не знали, но он оказался провидцем. Он говорил нам тогда, что методика развивается, что политический строй обязательно поменяется, что Россию ждет капиталистический путь развития, что первые этажи всех зданий будут преобразованы в магазины (в СССР тогда на первых этажах жили люди). А мы думали: «Как это так?!» То были вещи совершенно для нас непонятные, новые, и сама методика подачи материала отличалась. Ожидалось, что он будет объяснять, что такое китайский язык, текст и так далее. А здесь он проводил свою, может быть, апробировал или показывал в России совершенно новую методику обучения китайскому языку. Соответствующий учебный комплекс был официально опубликован в 1986 году. На него до сих пор есть ссылки, даже сегодня я

специально проверила, и методика Николая Петровича называется: «Méthode programmée du chinois modern» («Программированный метод современного китайского языка»). Он работал в Университете Париж VII, сейчас это Университет имени Дидро (UP7). И Николай Петрович считается одним из пионеров этого метода обучения иероглифики. И совсем недавно я узнала и была

очень удивлена, что в 2019 году была опубликована, как благодарность Николаю Петровичу, монография *Элиан Фавье*² и *Николя Ленормана*³. Оказывается, они сотрудничали с Лысенко в период с 1999 года и вплоть до 2015 года. И они опубликовали, презентовали свою монографию «Китайская письменность: эволюция, развитие, структура иероглифов, техника

² *Фавье Элиан (Favier Eliane, г.р.-?)*. Синолог, доцент кафедры математики, лектор Парижского университета VII. Занималась изучением кит. яз., долго сотрудничала (1999–2015) с Николаем Лысенко, лектором-преподавателем кит. яз.

³ *Ленорман Николая (Lenormand Nicolas, г.р.-?)*. Синолог, получил степень магистра кит. яз. в Парижском университете VII. Участвовал в исследованиях Николая Лысенко, прежде чем проработать несколько лет в Китае.

запоминания и упражнения»⁴ – вот такое длинное название. А в основе лежит методика Николая Петровича...

В те времена это было всё абсолютно новое, непонятное. Мне было трудно ещё и то, что основная аудитория студентов была младше меня лет на десять. И эту разницу я впервые увидела, почувствовала на себе, видя, что студенты как-то легко всё делают и запоминают. Мне хотелось узнать и, главное, понять. Но чтобы узнать и понять, нужно что-то прочитать дополнительно. А чтобы что-то прочитать дополнительно, нужно это иметь, а этого нет. Нет в принципе, потому что никакой литературы по китайскому языку, ни интернета тогда не было. Поэтому я не раз бросала учёбу, а Николай Петрович возвращал меня на занятия, в прямом смысле, приводил за руку.

ММ: Китайский язык давался вам труднее, чем европейские?

ТВ: Да, изучение французского языка – это для меня была «прогулка по Парижу», немецкого – «прогулка по ГДР»! Для меня это не было трудностью, сказали выучить – выучила, поработать – поработала. Всё было хорошо, я работала переводчицей с французским языком на нефтезаводе, это был очень высокий уровень по тем временам. И это дало старт в последующей переводческой работе – огромный старт, опыт и имя в городе, надёжность как переводчика, но это был французский язык. А тут китайский, который совершенно другой, всё непонятно, и прочитать негде, и спросить не у кого!

ММ: Как Николай Петрович Лысенко пришёл к преподаванию китайского языка и созданию своей методики?

ТВ: Он вернулся из Китая вместе с харбинцами, вместе с семьёй, когда Советский Союз, в результате ухудшения отношений с Китаем в начале 1960-х годов, стал возвращать своих сограждан на историческую родину. В Китае они в основном строили КВЖД. После возвращения, к сожалению,

⁴ Фавье Э., Ленорман Н. Китайская письменность: эволюция, развитие, структура иероглифов, техника запоминания и упражнения. Изд-во Пасифика (Pacifica), 2019, 237 с. <https://www.librairielephenix.fr/evenements/presentation-de-la-methode-l-ecriture-chinoise-d-eliane-favier-41776.html>

далеко не всем оказывалось то доверие, которое они заслуживали. Больше оказывалось недоверие. Подозревали, что среди них очень много «шпионов» и неблагонадежных личностей. Как в общем-то и все, кто побывал или пожил за границей, они были на особом учёте. Поэтому не получалось им совсем вернуться на свою историческую родину, во всяком случае, в города. Их расселяли по дальним деревням – так, чтобы избегать контактов с населением. Николай Петрович со своей семьёй попал в село Курумбель на юге Омской области. Там в 16 лет окончил школу и поступил в МГУ на востоковедение. Как он женился на француженке, я не знаю, но он уехал во Францию вместе со своей женой. Там он развёлся и встретил вторую жену, потрясающую женщину *Дельфину Велерс*⁵. Она – исследователь и крупный специалист в области древнего китайского языка, очень интеллигентная женщина. Потом они совместно основали сразу два метода программированного обучения китайскому языку, в применении и к современному, и к древнему. Они развивали оба эти направления. Древний поддерживала в основном Дельфина, а современным занимался в основном Николай Петрович, как носитель языка. Все-таки он родился в Харбине, он вырос там, и для него китайский язык был родным. Вторым родным был русский, естественно, потому что мама его была русская. И третий, тоже как родной, был французский, потому что он долго прожил во Франции. Он его знал, говорил абсолютно свободно, с совершенно безупречным произношением, но не умел писать. Николай Петрович не знал грамматики французского языка, он учил его как нативный язык, детский. И когда студенты подходили, бывало, просили объяснить правило, он говорил, а я не знаю, я же не учился во французской школе. Но говорил совершенно блестяще на-французском! Вместе они создали эту школу и работали с ней в

⁵ *Бодри-Велерс, Дельфин (Weulersse Delphine, 1942–2005)*. Русист, синолог, ориенталист. Получила степень лицензиат в области рус. яз. и докторскую степень по кит. яз. в Сорбонне. Один год училась в Пекинском университете и 4 года в Японии. 30 лет преподавала классич. кит. яз. и литературу в Парижском университете VII. Дельфин Велерс. Имела троих детей. Приняла православие в русском монастыре Нотр-Дам (1933), затем приняла монашеский сан под именем Анастасия (2002).

Сорбонне на факультете языков и цивилизаций восточной Азии. В своё время, где-то в 2010-х годах, я находила отзывы студентов, очень противоречивые, что говорит о том, что эта методика задевала людей. Она идёт в разрез с общей методикой. Хочется научиться говорить быстро, а тут тебе показывают язык из глубины. В 1986 году был опубликован первый том этого учебника ⁶. Интересно, что термин «синограмма» был впервые предложен Николаем Петровичем и Дельфиной Велерс для обозначения китайских иероглифов, и термин «грамматология китайского языка» тоже принадлежит Николаю Петровичу. Он сумел ответить на главный вопрос методики преподавания китайского языка: учить лексике и грамматическим явлениям на основе текстового материала, как настаивала китайская сторона в те времена, или учить фундаментальной грамматике, как настаивала советская методика, потому что в те времена в советской методике обучения иностранному языку превалировал грамматико-переводный метод. Николай Петрович считал, что для обучения иероглифике, чтению и грамматике необходимо использовать структурный подход (аналог китайских фразовых моделей 句型, но поданных в определённой системе). Поэтому это была и не грамматика, и не лексикология, это была «грамматология китайского языка». И этот учебник он тоже привёз и учил нас по своему учебнику. Он решил применить этот свой метод в России.

ММ: На какой период обучения был рассчитан этот метод?

ТВ: На два года. Мы обучались два года. Можно было учиться и дольше. На факультете назревал кризис: было совершенно непонятно, чему учили китайские учителя. Им дали учить по учебникам, которые были изданы в Советском Союзе. Это бестселлер, конечно, учебное пособие *Т. П. Задоевко*

⁶ *Лысенко Н., Велерс Д.* Программированный метод обучения китайскому языку. Méthode programmée du chinois moderne: sinosept chinois modern. Nicolas Lyssenko, Delphine Weulersse Editions Lyssenko, 1986.

<http://www.sudoc.abes.fr/cbs/xslt/DB=2.1//SRCH?IKT=12&TRM=047948418>

и Хуан Шуин⁷, но по нему нужно уметь работать. И для этого нужно знать русский язык, а китайцы не знали! Они привезли с собой китайские учебные пособия, которые не были зарегистрированы, никто не знал и не понимал, чему они учат, и студенты тоже не понимали, чему они учатся. Поэтому ректор университета *Константин Александрович Чуркин*⁸, надо отдать ему должное, поддерживал обучение китайскому языку, может быть, ещё интуитивно не понимая, куда он идёт. Он поддерживал и эти курсы, и Николая Петровича, оказывал ему всяческую поддержку, делал всё, что можно было, чтобы эти курсы шли. Количество студентов постепенно уменьшалось, причём очень быстро люди «отсеивались».

ММ: Сколько студентов начало изучать и сколько дошло до конца?

ТВ: Начали больше ста, окончили шесть человек. Госэкзамен сдали шесть человек. Это шесть процентов! Были ещё некоторые любители китайского языка, которые не вышли на официальную работу. И из этих ста человек я была единственная, у кого уже было инязовское образование, остальные были студенты или те, кто не имел к университету отношения, не имел ни малейшего отношения к преподаванию. У некоторых уже был опыт другой работы. Константин Александрович пригласил меня тогда и сказал про «семейную надёжность» (даже слова запомнила), преемственность. Он меня пригласил и предложил попробовать собрать команду из 5-6 человек, кому я доверяю, кто сможет работать на факультете, постепенно переводить обучение на российские рельсы, на российское образование. В те времена вводилась новая форма обучения, в том числе был официально разрешён экстернат. Хоть у нас и были только курсы, но у всех всё-таки высшее образование было. Нам оформили экстернат, и мы вместе с нашими

⁷ *Задоевко Т.П.* Основы китайского языка. Вводный курс / *Т.П. Задоевко, Хуан Шуин.* М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 271 с.

⁸ *Чуркин Константин Александрович* (1946 г.р.) Профессор, к.и.н. (1984). Действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. Член-корреспондент Международной академии наук педобразования. Ректор ОмГПУ (1990–2010).

студентами, которых мы учили, приобретали вторую специальность таким образом.

ММ: Второе образование вы получили в процессе преподавания?

ТВ: Да, мы не сидели за партами, просто досдали разницу, какая была. У меня, конечно, разница была достаточно большая, потому что я окончила институт в 1986 году. Девочки, мои коллеги, окончили его в 1992 году, им было немного проще. Но разницу мы досдали, «госы» сдали вместе со студентами, и вместе со студентами получили дипломы об образовании.

ММ: Все шесть человек остались основывать восточное направление на факультете?

ТВ: Да, все шесть человек остались в самом первом наборе преподавателей. Это были я, *Ващенко Наталья Николаевна*⁹ (потом она сменила фамилию на Репнякова), *Решетнева Ульяна Николаевна*¹⁰ (пришла на второй год, её в первый год не было), Шевцова Татьяна Васильевна (потом переехала в Москву), Чурбакова Иннеса Геннадьевна, Батурина Светлана Анатольевна и Козлова Ирина Игоревна. Это были те люди, которые мне тогда показались надёжными, и я рада, что не ошиблась! Я рекомендовала их Константину Александровичу, выбор был одобрен.

ММ: Как вы обучали своих студентов уже на факультете? За основу был взят метод Николая Петровича Лысенко?

ТВ: Мы ничего не добавили, потому что мы других учебников не знали. Мы сразу ввели вот эту систему, этот метод – программированный метод обучения китайскому языку, сразу его ввели и апробировали его уже на факультете. Где-то через слёзы, где-то через непонимание, но мы это сделали. В течение пяти лет, первые три годичных курса мы работали только с этим пособием. Это объяснялось рядом причин, первая из которых – то, что мы и

⁹ *Репнякова Наталья Николаевна (Ващенко)* (1979 г.р.) китаевед, к.ф.н. (2001), доцент, преподаватель ОмПГУ (1994–2018), завкафедрой иностр. яз. второй специальности ОмПГУ (2008–2015), доцент НГУПС (с 2018).

¹⁰ *Решетнева Ульяна Николаевна* (1970 г.р.), Китаевед, к.ф.н. (2007), доцент каф. вост. яз. ОмГПУ (1994–2015), доцент СПб ПУ (политический университет, с 2015).

сами учились, потому что переходить на другие пособия в те времена было совершенно невозможно. Прежде всего, их у нас не было. И потом, мы не были к ним готовы, потому что это две разные точки зрения на обучение, соединять их нельзя никак. Тем более в те времена мы не очень понимали концепцию. Это я сейчас могу про ту концепцию говорить сколько угодно, а в те времена – нет.

ММ: Расскажите об особенностях этой методики, чем она отличается от общепринятых, используемых в центре России или на Дальнем Востоке?

ТВ: Прежде всего, были фундаментальные пособия, по которым, надо отдать должное, выучилась синологическая китайская элита. Это пособия Тамары Павловны Задоевко «Китайский язык». Но я всегда говорю, что вопрос не в пособиях (учить можно по всему, что угодно), вопрос в человеке. И я считаю, что это пособие заслуживает высшей оценки, потому что оно дало такую плеяду специалистов! Существовали и пособия по практической грамматике. В общем-то, в учебнике Т. П. Задоевко и Хуан Шуин практическая грамматика была представлена в полном объёме. Практическая грамматика была издана и под редакцией *Владимира Ивановича Горелова*¹¹, для нас очень странная по тем временам, потому что была совершенно непонятна транскрипция. Николай Петрович знал эту грамматику, в отличие от нас. Он привёз учебник Горелова из Франции и подарил его мне, этот учебник сейчас лежит у меня как великий раритет. Подарил мне также учебник по грамматике китайского языка *Ван Ляо-и*¹². Метод Николая Петровича заключался в том, что он изменил отправную точку обучения китайскому языку. Он разделил два китайских языка: это китайский язык для китайцев в Китае и китайский язык для иностранцев. Учебники, которые существовали

¹¹ Горелов В.И. Практическая грамматика китайского языка. М.: Внешторгиздат, 1957. 192 с.

¹² Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. М. 1954. 262 с. (王了一, 中國語法綱要, 北京 1951). Перевод с китайского языка Г.Н. Райской. Под редакцией А.А. Драгунова и Чжоу Сун-Юаня. Предисловия А.А. Драгунова и Л.Д. Позднеевой. Примечания А.А. Драгунова. Издательство Иностранной литературы, Москва, 1954. 262 с.

до учебника Николая Петровича, в том числе и учебник Т.П. Задоевко, это были классические учебники преподавания китайского языка, которые были построены по принципам существующих в те времена учебников, например, французского языка под редакцией И.Н. Поповой, Ж.А. Казаковой¹³, учебника английского языка под редакцией Н.А. Бонк¹⁴. Также и учебник Т.П. Задоевко. Если отвлечься от самих языков, то в принципе это «близнецы-братья», потому что методика была одна. Что сделал Николай Петрович? Он ввёл три постулата: первое – это обучение единицам речи, то есть обучение словам и предложениям может идти на первых порах устно, без применения письменности, а применение письменности вводится на уровне транскрипции. Второе – параллельно вести обучение иероглифике. Но краеугольным камнем, исходной точкой должна быть не частотность, с которой иероглиф встречается в языке, что и сейчас существует, причём во всех методиках абсолютно. Если на первом уроке изучается «здравствуйте», «спасибо», то выучить эти слова устно не представляет никакой трудности, а вот написать такие слова, как «спасибо» по-китайски на первом уроке, это до сих пор сложно. Это прекрасно знают все китаисты, как и то, что из этого получается. Теория Николая Петровича заключалась в том, что нельзя учить слову «спасибо» как письменной единице на первом уроке. Нужно учить тем иероглифам, которые наиболее простые и идти от структуры, вне зависимости от того, насколько часто этот иероглиф встречается в языке. Таким образом в его учебнике появлялись иероглифы, которые в языке вообще сейчас не функционируют, но они нужны как кирпичики для построения других иероглифов, которые являются наиболее частотными в языке. Таким образом слова «спасибо», «хорошо», «ты», «вы», такие вроде как базовые иероглифы и слова, появляются не на первом уроке, а намного-

¹³ *Попова И.Н.* и др. Учебник французского языка для 1 курса институтов и факультетов иностранных языков / *И.Н. Попова, Ж.А. Казакова, Г.М. Ковальчук*. 21-е изд. М.: Издательство «Нестор-академик», 2009. 576 с.

¹⁴ *Бонк Н.А.* Учебник английского языка в двух частях / *Н.А. Бонк, Г.А. Котий, Н.А. Лукьянова, Л.Г. Памухина*. М.: Деконт, 2015. 639 с.

намного позже. Ещё одним принципом является параллельное обучение устной речи и обучение письменной речи. На первых порах оно параллельное, а потом две эти параллельные линии меняют своё направление на линию схождения. И в определённый момент то, что вы выучили устно, получает своё письменное воплощение. В целом впервые реализован принцип устного опережения, который, наверное, не был новым, но в отношении китайского языка его никто не применял и не применяет.

ММ: На какие сроки рассчитан этот метод?

ТВ: Есть выдающийся современный синолог, *Артём Игоревич Кобзев*¹⁵. Я очень люблю слушать его, он говорит с юмором, очень умно, потрясающие вещи говорит. Так вот его фраза: «Китайский язык – бездонный». И этот метод – тоже бездонный, потому что я до сих пор, вот уже почти 30 лет, каждый год открываю для себя эту потрясающую логику и эту мудрость того, как много было там заложено. К сожалению, я не могла понять этого в самом начале. Первые десять лет мне это было совершенно недоступно, я это делала механически. Сейчас я понимаю, что это единственно возможный способ обучить китайской письменности и культуре.

Третьим принципом, который Николай Петрович положил в основу своей методики, было то, что, по его утверждению, студент необязательно должен знать, как оно пишется то слово, которое выучено им в самом начале, на начальном этапе обучения устной речи. Он должен узнать, как оно пишется, должен прийти к этому через обучение иероглифике. Поэтому на первых порах можно сколько угодно говорить «здравствуйте», «спасибо», «голова болит», изучать погоду, ветер и так далее, но это устный курс. И следует разделить два курса, а потом их соединить.

¹⁵ *Кобзев Артём Игоревич* (1953 г.р.). Китаевед, д.филол.н. (1989), профессор (1999). Окончил филос. фак-т МГУ (1975). Сотрудник ИВ РАН (с 1978). Завотделом Китая ИВ РАН (с 2011). Профессор МФТИ, РГГУ. Лауреат Госпремии РФ (2010) за достижения в развитии Китаеведения и издание 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая». Историк кит. философии. Научный редактор сайта synologia.ru

ММ: Вы преподавали на факультете по этой методике на протяжении всего срока обучения студентов, все пять лет?

ТВ: На первых порах мы занимались только обучением письменной речи, и где-то через три года мы уже вышли на то, что к этой письменной речи надо добавить курс устной речи, грамматики. Где-то года через три мы уже сами основали такие курсы, как «практическая грамматика», «лингвострановедение» (в те времена оно называлось «страноведение»), практики устной речи, основанной на тематической подаче учебного материала и курса аналитического чтения. Для этого мы использовали те учебные пособия, которые привезли как раз китайские преподаватели. Уже тогда мы вели одновременное обучение письменной и устной речи: сначала учили иероглифике, чтению, а потом положили туда теоретическую и разговорную основу. Сейчас у нас есть курсы практической грамматики, практической фонетики, иероглифики и устной речи. Сейчас всё идёт так, как было запрограммировано, заложено Учителем.

ММ: Становление вашего факультета и вас как китаеведа пришлось на 1990-е годы, когда было трудно найти какую-либо обучающую литературу. Были ли у вас контакты с другими университетами нашей страны, обмен опытом?

ТВ: К сожалению, не было связи с центральными университетами! Весь китайский язык был сосредоточен на Дальнем Востоке. Была знаменитая читинская школа № 4 с «китайским уклоном» (сейчас – это МБОУ «Многопрофильная языковая гимназия № 4»). Был Читинский педагогический институт, который готовил кадры, а также базу абитуриентов из этой школы № 4. Было огромное количество китайцев уже в те времена на Дальнем Востоке. Но с «европейскими» школами у нас контакт появился очень поздно. Самые первые контакты у нас были с читинской школой, чему мы были очень благодарны. Мы в те времена были оформлены как преподаватели-стажёры, а преподаватель-стажёр не имеет права принимать государственный экзамен. Были определённые уровни допуска до экзаменов. Мы не были готовы к самостоятельному ведению таких курсов, как

стилистика, теоретическая грамматика, методика преподавания китайского языка, китайская литература, потому что эти курсы сначала кто-то должен был нам прочитать. Университет приглашал преподавателей извне. Пригласить можно было только из тех мест, где была развитая школа китайского языка, и такой школой была Чита. В Новосибирске тогда ничего почти не было, в Томске, в Тюмени тоже не было. Что было в «Европе», мы мало знали, потому что «Европа» отгораживалась: «А что, в Сибири тоже что-то есть?» –немножко такой подход был. Лишь совсем недавно «Европа» обратила на нас внимание. А на Дальнем Востоке всё хорошо развивалось. Владивостокская школа хорошо развивалась, Чита и Забайкальская школа, Улан-Удэ очень хорошо развивались. Поэтому первые преподаватели, первые наши учителя были из Читы. Они прочли нам первые лекции по стилистике. Причём сначала читали отдельно нам, преподавателям-стажёрам, только для нас шестерых организовывались курсы, лекции и семинары. И эти же лекции читались отдельно студентам. Это было модульное обучение. Первый опыт модульного обучения тогда, может быть, даже и в Советском Союзе. Тогда у студентов отменялись все прочие занятия, и у них был только курс литературы, только курс стилистики, только курс методики. Они сдавали экзамены, и после этого начинались новые курсы. Поэтому огромная благодарность, конечно же, заведующей кафедрой китайского языка Читинского педагогического института, которой в то время была *Ленинцева Валентина Алексеевна*¹⁶, а также *Юйшиной Елене Александровне*¹⁷. И конечно же, это буквально поклонение и преклонение перед нашим преподавателем *Олегом Марковичем Готлибом*¹⁸.

¹⁶ *Ленинцева Валентина Алексеевна* (?–2021). Китаевед, завкафедрой кит. яз. ЧПГИ, ЗабГГПУ (1992–2011), кандидат культурологии (2005), доцент кафедры кит. яз., почётный работник образования РФ.

¹⁷ *Юйшина Елена Александровна* (1954 г.р.). Китаевед, к.филос.н. (2005), доцент, почётный профессор Хэйлуунцзянского института. Завкафедрой кит. яз. ЗабГУ (с 2017).

¹⁸ *Готлиб Олег Маркович* (1951–2016) Китаевед, к.ф.н. (1986), доцент, специалист по грамматике кит. яз., этнологии Китая, грамматологии кит. письменности. Завкафедрой китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета (2003–2009).

ММ: Он был тем приглашённым преподавателем?

ТВ: Да, он приезжал к нам трижды. Преподавал курс теоретической грамматики и два года патронировал сдачу госэкзамена на китайском языке, пока мы не вышли на полную самостоятельность. И именно от читинцев мы узнали, что, кроме методики Николая Петровича, есть и другой взгляд на мир, на жизнь, на китайский язык. И я участвовала даже в спорах, или, лучше сказать, дискуссиях Олега Марковича Готлиба и Николая Петровича Лысенко, которые иногда были очень эмоциональные – где-то даже ссоры, когда надо было их останавливать, потому что каждый защищал свою школу. Олег Маркович стоял на том – что это такое, когда «ни хао» 你好 учат где-то чуть ли не зимой, а «се-се» 谢谢 вообще учат где-то к весне? Зачем тратить время на изучение архаичных иероглифов типа «син» 彳, «чи» 亍, «чу» 辵? Зачем нужны искусственно созданные китайские фамилии и имена? Эти споры продолжались и в переписке, и устно. Результатом этих споров стало то, что Олег Маркович позже попросил у нас полный комплект учебных пособий Николая Петровича Лысенко и даже издал, под влиянием Н.П. Лысенко, монографию «Основы грамматики китайской письменности»¹⁹. Он понимает, что общепринятый принцип учить сложным иероглифам и заставлять студентов писать то, что практически нереально, что просто срисовывается – этот принцип не всегда работает, он неэффективен, это экстенсивный путь обучения китайскому языку, очень затратный энергетически и эмоционально опустошающий. Но есть другой путь, который, может быть, не совсем хорошо вписывается в парадигму российского образования, но то, что он адаптируется, это точно. Я, конечно, очень благодарна Олегу Марковичу за ту поддержку, которую он нам оказывал. И последующая теоретическая грамматика, которую я вела, и типология, которую я вела, это всё было сделано на основе лекций Олега Марковича. Это мой учитель, второй Учитель, которому я обязана всем тем,

¹⁹ Готлиб О.М. Основы грамматики китайской письменности / Готлиб О.М. М.: Муравей, Восток-Запад, Восточная книга, 2006. 282 с.

что имею. И в этом году я уже участвовала, набралась того опыта, наконец-то, в конференции «Готлибовские чтения»²⁰. К сожалению, Олег Маркович уже умер. Я очень хотела у него поучиться, но очень долго, лет 15, даже 20, я считала, что недостойна этого учителя. Я до него недоучилась, я до него не дотянулась, я ещё слишком мало знаю, чтобы приехать к нему на курсы. Я не могла себе этого позволить. Мне казалось, что это то же самое, что выражается китайской поговоркой «читать Четверокнижие перед Конфуцием» – опозориться. Поэтому я себе этого не позволяла. К сожалению, когда я позволила, Олег Маркович скончался. Поэтому я приняла для себя решение, что каждый год буду участвовать в «Готлибовских чтениях» в память об Олеге Марковиче. В этом году я это сделала.

ММ: Да, это ежегодная большая конференция, я тоже слежу за ней.

ТВ: Да, я вот набралась смелости, прошло 25 лет, и я решила участвовать на равных в этой конференции. Как равноправный участник конференции, я могла выступать, давать комментарии, задавать вопросы, отвечать на вопросы. Я себя чувствовала очень хорошо.

ММ: Татьяна Владимировна, а как вы первый раз попали в Китай? Увиденное совпало с вашими ожиданиями?

ТВ: Всё получилось очень логично. Те китайские учителя, которые у нас работали, остались и дальше преподавать. Университет совместил две этих школы: мы были преподавателями, которые давали материал на русском языке, при этом у каждого из нас был учитель-носитель китайского языка. На моей паре всегда сидел китайский учитель. Она сидела на всех моих парах и обеспечивала всё китайское аудирование, произношение, работу с лексикой. Мы работали в тандеме. Я разрабатывала уроки сразу на двух человек, для себя и для китайского учителя. И все уроки, абсолютно все за три года, за исключением читинской школы, которая вела самостоятельно, мы работали

²⁰ *Готлибовские чтения* – ежегодная международная научно-практическая конференция, посвященная развитию научного наследия выдающегося отечественного китаеведа Олега Марковича Готлиба.

вдвоём. Это был очень интересный опыт! Жаль, у нас не с чем сравнить! Это был наш своеобразный «кокон», в котором мы жили, и мы не выходили из него, считали, что, кроме этого больше ничего не существует! Считалось, что это идеально. И да, это было где-то идеально, такого нет больше нигде в России, когда занятие ведут два преподавателя, русский и китайский, причём на равных! Где-то это, может быть, задевало китайских преподавателей, потому что, кто такие, так сказать, без образования, без всего, и наш уровень китайского языка в те времена был далеко не самый высокий. Больше было амбиций и общих лингвистических знаний. А они, профессиональные учителя, были на правах ассистентов. Очень тяжело было преломить эту ситуацию и в глазах студентов, которых мы учили, и в глазах самих китайских преподавателей. Но мы и это прошли. И эти китайские учителя помогли заключить договор об обмене студентов между нашим университетом и Цицикарским педагогическим институтом. В те же времена, в 1995–1996-е годы, мы уже немножко встали на ноги, получили дипломы. Уже никаких претензий к нам нельзя предъявить, у нас диплом «переводчик-референт», «учитель китайского языка». Мы уже профессиональные педагоги. И открывается обратная встречная специальность «русский язык для иностранцев». На филфаке открывается международное сотрудничество, приглашаются китайцы, которые хотят изучать русский язык. Первые китайцы как раз были из Цицикара. И поскольку живых денег было очень мало, то китайские студенты ехали к нам на основе обмена, а соответствующие русские студенты ехали в Цицикар на бесплатной основе. И в 1996 году мне доверили возить первую группу студентов, четыре человека – один мальчик, три девочки и я. Мы поехали в Цицикар на поезде Москва-Пекин. Перед этим в Цицикар для заключения договора съездила делегация Омского педагогического университета, ректор и двое наших студентов, которые уже работали с китайцами, хоть ещё и учились. Понятно, что они тогда привезли кучу впечатлений, а ещё привезли первые словари, первые учебники, подаренные Цицикарским педагогическим институтом.

Знаменитый «рыжий словарь», по которому вы учились, восемь словарей русско-китайских – это всё было привезено первой делегацией, которая поехала на заключение договора с Цицикарским институтом. Мы поехали уже вторыми, уже самостоятельно. Это была стрессовая ситуация, но стресс – двигатель прогресса, наряду с ленью. Всё получилось, мы приехали в Цицикар и месяц учились по стандартным китайским учебникам в Цицикарском институте. А потом я решила попутешествовать! Уже через месяц мы с ребятами поехали на неделю в Пекин. Цицикар в те времена показался необыкновенным, мы сфотографировали там всё, что только можно было! До сих пор считаю, что мои лучшие фотографии сделаны в Цицикаре! Там сфотографирована китайская жизнь, которую больше нигде никогда не увидишь. Я в маленьких городах была очень мало. Но тогда я не понимала, что это маленький город. Для меня это был Китай!

ММ: Что больше всего поразило?

ТВ: Поразило, что там живут люди, как-то очень просто живут, и у них всё получается. Мы, вышедшие из этих проблем, из этой ломки страны, непонятно, какая страна, из этой борьбы за выживание, и мы попали в какой-то такой вот «раёк», где всё тихо, хорошо, всё есть, всё стоит какие-то копейки. Хочешь поесть – пожалуйста! К тебе так хорошо относятся, тебя все понимают, тебе помогают. А, главное, это то, что взаимопонимание было установлено, и мы подписали договор о продлении сотрудничества. Было несколько ситуаций, когда и студенты болели, и когда деньги теряли, и билеты теряли, и такие стрессовые ситуации были, когда казалось, что жизнь заканчивается. Но тогда появляется университет, который за минуту решает любую проблему. Решалось всё! Ходили в музей в Цицикаре. Тогда мы не знали, что такое Гугун, что такое Пекин, мы его не видели. Мы видели станцию Анъанси и город Цицикар. Мы попали в этот город, в котором нас любили, оберегали, прекрасные были отношения с ребятами из Челябинска, из Улан-Удэ. Я себя чувствовала хорошо и как учитель, и как студентка. Ребята стали приходиться ко мне и задавать кучу вопросов по непонятным

моментам, а я была рада, что смогла им ответить. Но я честно училась со студентами, ходила на все занятия, писала все контрольные. У меня был студенческий билет, я была там на правах студента. Потом решили поехать в Пекин, через три недели, на поезде опять. Первым шоком было то, что мы никому летом не нужны в Бэйда, в Пекинском университете. Мы не заказали ни гостиницу, ничего! Мы приехали в Бэйда, в международный отдел, где нам сказали “啊, 你来得不巧”²¹! Я до сих пор помню эту фразу. Что, как же вы так приехали, посмели сюда приехать? В общем, нам отказали. Мы посидели, поплакали все вместе. Мы же в Пекине, билеты у нас через неделю обратные. И нам где-то надо жить. Мы стали спрашивать у всех, где бы нам пожить. И нашёлся парень, который нас отвёз на окраину Пекина и устроил в гостиницу какой-то научной организации. Там мы жили по бешеной цене, по 100 юаней в день. Это безумные деньги были тогда! Но мы не знали, что и сколько стоит. Это потом мы узнали, что можно жить и за 20 юаней в хостелах, но мы не знали, где они находятся. Мы жили за 100 юаней! Не было интернета, ничего такого тогда не было. И мы у этого парня выпросили всё: куда идти, что делать. Это был китаец, который решил пообщаться с русскими, с иностранцами. Я по-английски в те времена совсем плохо говорила, а ребята не показывали, что они английский знают. Поэтому, он, наверное, хотел по-английски поговорить, но мы не дали такую возможность, мы говорили по-китайски, как могли. Мы составили список тех достопримечательностей, которые надо посетить, каким-то образом попали на площадь Тяньаньмэнь. Ноги сами вывели в Гугун, привели нас туда. Мы съездили в Храм Неба. Мы съездили на самом-самом обычном поезде на Великую Стену, а потом узнали, что туда на поездах никто не ездит – все ездят с Тяньаньмэнь, где есть специальный автобус для иностранцев. Но мы были на железнодорожной станции, вот эта маленькая-маленькая Бэйчжань, крошечная станция местная. Там огромное количество китайцев, непонятно

²¹ Вы приехали невовремя!

совершенно всё. Я бросилась к полиции, пролив действительно слезу. Я плакала, просила помочь купить билеты до Великой Стены. Полицейский взял меня за руку, подвёл к кассе и купил билеты туда и обратно. Так мы попали на участок Бадалин. Мы попали в исторический музей, ходили туда три раза! Проехали по буддийским местам, Юнфугун. Попали в пекинские хутуны, в дворики-*сыхэюани*. И на этом неделя закончилась! Наконец, мы сели на поезд обратно в Цицикар. И когда увидели, что опять возвращаемся в Цицикар после Пекина, мы поняли, что мир, оказывается, намного шире! Что Цицикар – это небольшой городок, но вся культура и вся история сосредоточены в других местах. И это бесконечно. Всю последнюю неделю, которую мы жили в Цицикаре, у нас было немножко депрессивное настроение, такое – а зачем мы сюда приехали? Нам уже хотелось в Шанхай, нам хотелось в Пекин! Но потом было испытание тем, что у нас было почти по сто килограмм книг на каждого. Мы купили почти по сто килограммов книг! Я до сих пор вытаскиваю маленькие книжечки. Какие-то из них я выбросила, потому что оказались ненужными, какие-то мы сдали в библиотеку, очень много книг сдали в библиотеку. Какие-то книги я привезла домой. За эту поездку я сформировала свою первую домашнюю китайскую библиотеку, и до сих пор её открываю. Я до сих пор считаю, чем старше книга, тем она лучше. Поэтому это испытание: провезти через китайские вокзалы сто килограмм на каждого, при норме двадцать килограмм! Это было! Да, самые сильные воспоминания мои, конечно, от той поездки в Цицикар. Было много препятствий, которые мы преодолели.

ММ: То была первая учебная поездка. Может быть, вы потом ещё стажировались в Китае?

ТВ: Потом я поехала в первую рабочую поездку. Я познакомилась с одной омской фирмой. Ребята пригласили меня в Китай переводчиком. Я знала, что в Омске существует торгово-промышленная палата, что там есть переводчики. Также знала, что там работает моя студентка, которая училась на пятом курсе. Яна её звали, потом она уехала в Израиль. И как-то я шла и

думала, почему Яна может работать переводчиком китайского языка, а я, которая Яну учу, не могу работать переводчиком китайского языка? Тогда я зашла в ТПП, представилась, сказала, что хочу переводить. Мне сказали: ладно, может быть, что вы умеете для этого? Говорю, ничего, только преподаю курс перевода китайского языка, который привезла, кстати, из Цицикара. У нас был профессиональный перевод, на этом учебнике я основала двухгодичный курс профессионального перевода для переводчиков. Месяца через три мне позвонили, попросили перевести материал, и это был мой первый опыт общения с компьютером. Сказали сделать на компьютере, а я не знала, что это такое, шёл 1996 год. Но и этот вопрос решился! Мне поставили какой-то маленький компьютер. Была там ранняя ОС Linux, потом был Windows 3.1. Я училась на этом. Потом китайцы поставили мне китайский винчестер, и у меня у единственной в городе был китайский шрифт! Правда, и компьютер весь «говорил» только по-китайски. Это был, как говорится, ещё один из стимулов дополнительно изучать язык. А потом я поехала в Шанхай. Это была первая годичная стажировка для преподавателей. Я просто заполнила заявление, спросила у китайцев, назовите университеты, куда поехать. Мне назвали Фуданьский университет в Шанхае – туда езжай! Я, не зная, что это такое, написала его первым приоритетом. Мы всё это сделали зимой, я даже и не ждала ничего. А летом в июле приходит письмо – пожалуйста, оформляйте срочно анкету, проходите медкомиссию, Фуданьский университет ждёт вас! И я поехала на год в Шанхай, где училась у великого учителя-лингвиста Чэнь Гуан-лэя²². К тому времени я уже вела свои любимые курсы аналитического чтения, теории и практики перевода. К 1996 году я уже вышла на самостоятельную теорграмматику, разработала и стилистику. Мы уже вели самостоятельно все курсы. И когда я туда приехала, нас посадили сдавать экзамены, что-то похожее на HSK. Когда учителя спросили, какой тебе надо уровень, я сказала,

²² Чэнь Гуан-лэй 陈光磊 (1938 г.р.) Лингвист, профессор Фуданьского университета, исследователь древнего китайского языка, стилистики кит. яз., морфологии кит. яз.

откуда ж я знаю, какой надо уровень. Какие есть? С первого по шестой. Ну дайте два: пятый и шестой. Я за час сделала два уровня, и пятый, и шестой. Не сильно напрягаясь, честно говоря. И с удивлением обнаружила, что меня нет в списках студентов по группам после того, как были объявлены результаты. Моих результатов нет, моей фамилии нет. Я прихожу в учебный отдел и спрашиваю, а где я. Мне сказали, а мы не знаем, куда вас определить, у нас пятый-шестой уровни никто не написал. И говорят, давайте вы не будете на курсах учиться, у вас же есть образование, вы же учитель! А мне уже было 34-35 лет. Давайте вы будете дипломную работу писать у нас! Я согласилась. И они назначили мне научного руководителя, профессора Чэнь Гуан-лэя. И это была ещё одна школа, которая произвела на меня неизгладимое впечатление – работать под его руководством! Потому что он был специалист по древнему языку, специалист по стилистике, и его монографии по стилистике, по новым тенденциям в китайском языке, очень известны. Его учебники я знаю, сам он 1938 года рождения и по-прежнему занимается наукой. В 1986–1987 годах он уже получал премии, его учебники завоевывали премии как лучший бестселлер года в Китае. И он мне дал тему, мы разработали её – новая лексика в газете «Жэньминь жибао», которая связана с Россией. Это было и в русле его специализации по новой лексике в китайском языке, и в моём русле, потому что я всегда интересовалась неологизмами, особенно в те времена. И я читала в «Жэньминь жибао» статьи о России, вытаскивала оттуда слова, какие есть, потом звонила по факсу, передавала эти слова: скажите, что это такое, как это описывается в русском языке. Это был как раз кризис 1998 года, дефолт. Появился огромный пласт новой лексики. Мне передавали русские статьи. И, надо отдать должное учителю Чэнь Гуан-лэю, он позволил мне соединить российские и китайские требования к научной работе. И я написала работу в русле того, как я понимала научную работу. Как нормальная российская работа: цели, задачи, обзор исследования. Я её очень хорошо защитила, и он позволил мне ходить на те учебные курсы, которые меня интересовали.

Выбрать из любого расписания по всему университету то, что мне было интересно.

ММ: И что же вы выбрали?

ТВ: Я выбрала историю Китая для китайцев, выбрала географию Китая. Выбрала, но не выдержала, ничего не поняла в экономике Китая, мне это было очень сложно. Но самый главный курс, который я выбрала, вела декан по тому учебнику, который я привезла из Китая – это «Тридцать уроков по внешней торговле» 《对外贸易三十课》. Ранее я на основе его основала двухгодичный курс практики перевода, но многие вещи, поскольку словарей не было, я не очень понимала, поскольку этот курс разрабатывала сама. И тут китайский преподаватель ведёт занятия по этому же учебнику! Поэтому все свои вопросы, всё, что можно было вообще спросить, я спрашивала на её занятиях. Я была отличницей там на этом курсе, потому что знала все диалоги наизусть. Но для меня это была школа, я потом с этим курсом ещё лет десять работала. И сейчас хочу поднять, поскольку до сих пор считаю, что тот учебник был лучший. По модной сейчас лексике, коммерческой, я в 2019 году прошла курсы коммерческого китайского языка, и поняла, что тот учебник лучше. Поэтому собираюсь на следующий год немножко поднять его. По возвращению в Россию всё пошло уже по двум направлениям в моей деятельности: как профессиональный переводчик и как учитель. Две эти стези шли и развивались параллельно.

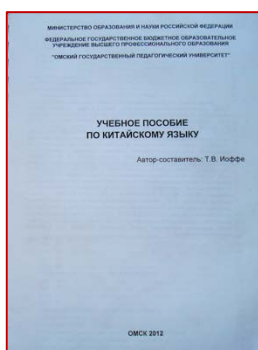
ММ: Есть ли у вас большой интерес к какой-то из этих областей?

ТВ: Я преподаватель, мне больше нравится преподавать. А переводчик – это средство саморазвития для меня до сих пор. Я воспринимаю любой перевод, любого уровня. Никогда не отказывалась от переводов, никогда не смотрела на цену, заплатят или не заплатят – ну и ладно, переживу и это! Я никогда не отказывалась от самых тяжёлых переводов. Это было уже заложено, когда я занималась французским, работала на нефтезаводе, под факелом, в условиях, когда голова кружилась от химических запахов и когда работали под компрессором в тридцатиградусные морозы, когда надо было слышать, чего

они там говорят, французские механики. Уже этот тяжёлый труд переводчика я знала и понимала, что это такое. Я прошла путь от работы на полях китайских, в китайских теплицах по выращиванию помидор. Я там всё видела, вплоть до правительственного уровня. В Омске я прошла всё. Сейчас я – официальный переводчик городского и областного правительства в Омске. Когда, как говорится, уже и на пенсию пора! Но говорят: вот будет смена – пойдёшь на пенсию!

ММ: В Омске вы известная личность в профессиональных кругах, и все спрашивают у вас рекомендации, когда ищут толкового специалиста.

ТВ: Да, приходят, уточняют. Я сама никогда не отказываю. Работаю, и это уже привычка жизненная: всё, что предлагается, всё, что выучила – это для тебя. А перевод как раз даёт возможность поработать в разных сферах, в сферах, которых нет ни в одном учебнике. Я прошла разное, хорошо разбираюсь в технике, в механике, в электронике. Сейчас я уже очень много знаю по медицине, потому что водили делегации по клиникам. Я неплохо ориентируюсь в правительственном уровне, про какие темы там надо говорить и о чём: сотрудничество, перспективы... Там очень большой опыт. Вообще, переводчик – это тот человек, который умеет реагировать. Темы никто тебе определять заранее не будет, про что будет разговор на банкете или в машине, или ещё где-то, от коробок передач до охоты, обучение детей, о семье – никто не знает! Но я не считаю, что это моя основная деятельность,

для меня это развитие.

ММ: А в преподавании у вас есть главная тема, направление?

ТВ: Они менялись. Сначала это была иероглифика, на кафедральном уровне. Потом в память о Николае Петровиче я издала его пособие на русском языке²³.

Перевела,

русифицировала, сделала основной

²³ *Иоффе Т.В. (Автор-составитель). Учебное пособие по китайскому языку. Омск: ФГБОУ ВПО «ОмГПУ», 2012. 161 с.*

учебник на русском языке, немного подкорректировала его под нашу программу. Полностью сделала новую рабочую тетрадь. Издала в электронном варианте, в официальном издании, получила права на неё. И в 2020 году я написала третью часть этого пособия, целое УМК, пособие по каллиграфии. И туда вместила достаточно много сведений по культуре, иероглифике, истории иероглифа. На каждой странице есть своеобразные «культурные подвальчики», в которых представлены разные интересные истории китайской письменности. Эту тему я немножко закрыла, по крайней мере, для себя. Потом был период, когда я увлекалась стилистикой и лингвоанализом. Я основала курс аналитики. Считаю, что сейчас я единственная в России, кто его ведёт, чистое аналитическое чтение на китайском языке. Я его переделывала уже, наверное, около десяти раз. И с 2005 до 2010 года пришёл период, когда я поняла, что стою очень прочно на ногах. Я могу использовать ту информацию, которую предоставляют китайские сайты, и её трансформировать, перекладывать на российские, так скажем, мозги. Поскольку у меня всё-таки советская школа образования, где самым сильным предметом всегда было аналитическое чтение, это был самый мощный предмет, скажем так, самый «козырный» предмет, который показывал уровень владения языком. И преподаватели, которые вели аналитическое чтение, были такой особой кастой преподавателей, потому что не каждый мог это делать. Это всегда был самый сложный предмет! Всё, что касается личного восприятия текста, это всегда индивидуально, требует большого опыта. Поэтому, когда нам доверили факультет, у меня даже мысли не было, что факультет может быть без аналитического чтения. Как его вести, никто не знал, но я его вела, наверное, интуитивно, через стилистику. Я его вела от советской методики, от своего опыта. А где-то после 2005 года я поняла, что нужно идти от китайского восприятия китайской литературы, классики китайской литературы, соединять его с нашими требованиями, с нашей учебной программой, со студентами, с тем, что они могут. И нужно перестраивать аналитику уже совершенно по-

другому. Я нашла протоколы уроков по литературе китайских преподавателей, по произведениям писателей Лу Синя, Лао Шэ. Опять же из тех же учебников китайских, которые китайские преподаватели привезли в первую партию. Там было очень много фрагментов из литературных произведений. Они уже были опубликованы на сайтах и были такие предметы, как «ду хоу гань» 读后感, то есть «мнение от прочитанного, ощущение от прочитанного». Потом я специально поехала в Китай и нашла в книжных магазинах несколько книг из серии «ду хоу гань» 读后感. Нашла всё, что было необходимо для ведения курса аналитического чтения. Потом полностью его перестроила, соединила со стилистикой, с лексикологией, и это меня вывело на современный уровень, на метапредметность. Это значит, что китайский язык должен преподаваться не так, как настаивает китайская сторона, что должна быть лексика, грамматика, как они говорят, «ханьцзы» 汉字, «юйфа» 语法 и так далее, и чтение «юэду» 阅读. И это всё это называется «цзунхэ кэ» 综合课, комбинированный урок. Надо идти не к комбинированному уроку, а надо идти к метапредметному уроку, к интеграции. Интегрированным урокам меня учили, когда я подрабатывала в школе. У меня всё-таки педагогическое образования и, работая в вузе педагогическом, я поняла, что если не поработаю в школе, то я никто. Поскольку в школах тогда китайского не было, я семь лет проработала в школе учителем французского языка. Мне ставили уроки рано утром. Школа гуманитарная была, и там была сильная составляющая, они как раз работали на интеграции. Меня там научили делать интегрированные уроки. Я вела французский, при этом на уроке присутствовали учитель рисования и учитель литературы. И мы иногда вели уроки втроем. На выходе ребята рисовали совершенно потрясающие картины, мы их вводили в транс какой-то! Учитель литературы составлял блок по литературе, например, французской. Я туда вставляла всё, что можно было по-французски сказать, какие-то моменты, простые фразы – мы это отработывали. А учитель

рисования заканчивал урок. Это было мастерство, конечно, этих преподавателей. Я скорее туда встраивалась. У меня опыта не было.

ММ: Как раз сегодня очень востребованы подобные методики преподавания в школах и, соответственно, обучение таких преподавателей в педуниверситетах. Что вы думаете о развитии педагогики, методики преподавания китайского языка, в каком направлении стоит развиваться?

ТВ: Хочу сказать, что самостоятельной в этой бесконечной культуре китайского языка я себя почувствовала только лет пять-шесть назад. Мне потребовалось 20 лет, чтобы пройти этот путь, когда я перестала постоянно готовиться и предвосхищать. Идешь на перевод – дайте мне выступление! Я переведу, мне надо заранее. Мне давали. Потом перестали давать. Если по началу для меня это был стресс, то сейчас меня перестало это пугать. Я поняла, что могу выразить любую мысль, я ощутила, что стою на ногах и могу развиваться дальше, идти в науку. Пошла в науку, стала писать статьи. Начала с ближайшего Новосибирска. Сначала про культурологию поняла, что мне это достаточно скучно. Стала писать про методику. Соответственно, чтобы что-то написать, надо сначала узнать, что сейчас делается в методическом мире. А в методическом мире два направления. Первое – это сумасшествие по тому, как соединить преподавательские амбиции, которые есть не только у меня, но и у очень многих талантливых преподавателей в нашей стране, с требованиями ФГОС, которые эти амбиции разрушают. Этот несчастный урок нужно напичкать буквально всеми технологиями, которые далеко не всегда уместны, но без них урок провести нельзя! И второе – это компетентностный подход к образованию. Благодаря моему критическому мышлению я стала понимать, что то, что пишется в требованиях, это не всегда можно реализовать. Но так как мы работаем в этой парадигме, мы должны этому подчиняться. И, как говорится, проявлять педагогическое мастерство, чтобы это соответствовало компетенциям ФГОС и было технологичным. Если ты этого не можешь, то расписывайся в своём педагогическом уровне. Такие противоречия. И однажды я услышала в

Новосибирске великолепное выступление *Игоря Васильевича Кочергина*²⁴, который сказал, что «компетенцию» нельзя измерить. И он сказал те крамольные вещи, к которым я подходила, но не могла озвучить. Игорь Васильевич, он может себе это позволить. Он сказал, что измеряется компетентность, но не «компетенция». «Компетенция» – это пустое, а отсюда – проблема в образовании. Чему мы учим? Мы учим пустому, учим «компетенции». Ей нельзя научить, её можно выработать, а вот компетентность, то есть уровень, надо сформировать. А как сформировать уровень, вот здесь идёт сейчас борьба. И очень многие преподаватели в русле того, как бы соответствовать ФГОС, как бы соответствовать технологиям, пытаются использовать огромное количество технологий обучения всему и сразу. На самом деле все эти технологии по большей части разбиваются об оборудование в вузах, о невладение этими технологиями. Хорошее название, но не всегда ведёт к той цели, куда ты хочешь. Поэтому я всегда за разумное сочетание технологичности, требований ФГОС, и формирование всё-таки не «компетенции», а компетентности. А что такое компетентность – она не может быть однобокой! Она складывается из разных параметров. Нельзя только уметь писать, но не знать культуру. Нельзя уметь писать, знать культуру и не понимать ничего в китайских династиях. Но «компетенция» прописывает, чем должен владеть студент, перечисляет. А как он должен это соединять, совершенно не понятно!

Поэтому через аналитику со стилистикой, а позже через культуру и историю Китая я пришла к тому, что сейчас необходимо нашим студентам. Но существует падение уровня общей культуры. Это сказывается на общем уровне образования, китайского в том числе. Я пришла к тому, что урок должен быть метапредметным. Если вы работаете с литературой – два года назад я вела курс литературы – не знаю, чего я больше провела: это была

²⁴ *Кочергин Игорь Васильевич* (1948 г.р.). Китаевед, к.пед.н. (1984), доцент (1992). Профессор кафедры иностр. яз. Военного университета. Окончил ВИИЯ (1974). Преподаватель ВИИЯ/ВКИМО/ВУМО (1974–2003). Проректор Института практического востоковедения (с 2000).

история, или больше история языка, или аналитического чтения, или стилистики, или литературы. Считаю, что это один из лучших моих курсов, действующих и действенных, которые сформировали представление о том, что такое китайская древняя литература.

ММ: Будем ждать от вас и новых статей, и новых курсов, где будет развиваться этот подход!

ТВ: Да, сейчас я очень хочу поучаствовать в конкурсе преподавателей китайского языка ²⁵ ! Уже готова методическая разработка, как раз по

метапредметности для этого. Уже хочется её переработать в статью!

ММ: Если говорить об общем уровне культуры, каково ваше восприятие Китая и китайского народа?

ТВ: Считаю, что моя задача, как определённого носителя китайской культуры, а я ношу её в себе,

продвигаю её – это «сделано в Китае» какая-то бедная,

Т.В. Иоффе на конкурсе преподавателей китайского языка Москва, апрель 2021

разбить тот образ, что слово это «второй сорт», что Китай это несчастная, непонятная страна, и

что китайцы чем-то хуже, чем другие. Я борюсь с этим начиная с 1996 года, потому что это совсем не так! Я всегда говорю, что Китай, это другая нация, так же как индийцы, индонезийцы, вьетнамцы. Это самостоятельные нации, каждая из которых своеобразна, у каждой есть чему поучиться, есть чему даже позавидовать, есть что взять, и есть то, что вы никогда не примете. Но вас туда никто и не зовёт. Если же вы не принимаете что-то и считаете, что вы лучше, чем та нация, о которой идёт речь, то вам не стоит с ними общаться, потому что вы – не лучше. Русские – это великая нация. Китайцы – тоже великая нация. Это две равные, но абсолютно противоположные культурно страны, которые развиваются параллельно.

²⁵ Т.В. Иоффе – победитель первого в России конкурса для учителей и преподавателей кит. яз. «Язык дружбы», прошедшего в апреле 2021 г. при поддержке посольства КНР в России.

ММ: Чему русские могут поучиться у китайцев? Как развивать сотрудничество и взаимосвязи?

ТВ: Благодаря переводам для правительственных делегаций я очень чётко знаю, как развиваются отношения с Китаем, в каком русле они развиваются, и понятие «стратегического партнёрства» мне очень близко. Это направление – стратегическое партнёрство, а не соперничество, говорит о том, что две наши страны будут развиваться параллельно, никак не пересекаясь. Но, к сожалению, надо отдать должное, пока Китай движется быстрее. И культуру русскую у себя продвигает быстрее, да и свою культуру в России тоже активно распространяет. В России действуют Институты Конфуция, но ничего подобного нет у России в Китае! Нет там «Институтов Пушкина»! Последние словари, лучшие русско-китайские словари были изданы в Китае, никак не в России, хотя должно быть наоборот! Именно Китай принимает огромное количество студентов, а то количество студентов из Китая, которое принимает Россия, оно в целом незначительно. Именно в Китае стремятся остаться наши студенты, и именно это до сих пор одна из целей поступления в университет на китайское отделение здесь. Китай притягивает, притягивает развитием, он делает всё на весь мир! Они сделали свою страну, они сами строили, сами заработали деньги. С моей точки зрения, это заслуживает огромного уважения, уважение к стране, к народу, к культуре, и к тому, как они эту культуру несут. Конечно, есть звоночки, что современные китайцы такие же, как весь мир, сидят в интернете, не читают, растёт «поколение большого пальца», это тоже про Китай.

ММ: Это общемировая тенденция.

ТВ: Да, это общемировые тенденции. Китай – мировая держава, а фраза «сделано в Китае» для меня – это бренд. Почему кто-то считает, что «сделано в Индонезии» лучше, я не могу понять. Я пытаюсь объяснить, что Китай – это не те бедные китайцы на рынке или безработные, это не тот уровень Китая, который, может быть, был 20 лет назад.

ММ: Пожалуйста, расскажите хотя бы кратко о русских «харбинцах», переехавших в Омск 60–65 лет назад! Кроме Н. П. Лысенко, среди них были китаеведы?

ТВ: В Омске есть сейчас организация «Омские харбинцы», это те люди, кто приехал из Китая в 1960-е годы, сейчас около 90 человек. Большинство из них расселились в деревнях Омской области, «поднимать целину». Многие получили сельскохозяйственные профессии, кто-то поехал в город учиться и работать. Участники этой организации регулярно встречаются, большинство покинуло Китай в достаточно юном возрасте, после школы или будучи школьниками, их родители работали в Китае на строительстве КВЖД. Разные достаточно судьбы, но китаеведов среди них не было. Николай Петрович Лысенко уже в России решил связать свою жизнь с китайским языком.

ММ: Какие места в Китае – ваши любимые?

ТВ: Любимый город – Тяньцзинь. Он нравится мне всем, начиная от климата и расположения. Рядом – Пекин, оттуда можно уехать куда угодно. Нравится всё, что есть в Китае, а я проехала всю восточную часть Китая, от Манчжурии до Гуанчжоу, с остановками практически во всех крупных центрах. Но моё – это прежде всего музеи. В любом городе я прежде всего спрашиваю, где исторический музей. Я иду туда, раза три туда хожу, пока там не выучу всё, что есть. Меня интересует древний Китай. И организация музеев в Китае во многих случаях подкупает. Музеи бесплатные, современные, интерактивные. Год назад устроила себе путешествие в Лоян, Кайфын. Сильнейшие остались впечатления от их новых исторических музеев! Интерактивные, с хорошей навигацией, с хорошим пояснением, с хорошим видом, обзором, просторные, светлые и бесплатные. Из них вообще можно не выходить! Поэтому у меня глубочайшее уважение к китайской культуре, которую я всегда показываю, несу людям. И мне всегда нравится, что, если я приезжаю в Китай в составе делегации, я там обычный переводчик, рядовой член делегации. Но если сказала, что я учитель,

работаю в университете, то моментально забывается, что я переводчик, ко мне уже обращаются «госпожа учитель» (*лаоши*). И мне готовы показать всё! Мне импонирует то, как они несут свою культуру: ненавязчиво, но с глубокой любовью. Они вам это покажут! Мне это очень нравится! Последним музеем, в котором я была, был Музей китайских иероглифов в городе Аньян. Туда я поехала в составе делегации, делать перевод. За обедом просто обсуждали какие-то вопросы культуры, что-то ещё. Я сказала, что очень интересуюсь китайской письменностью. Знала, что в Аньяне есть этот музей, но, конечно, не поднимала этот вопрос, чтобы меня туда кто-то отвёз. Ведь это было не путешествие, я была на работе. Поговорили, сказала, что мы преподаем китайскую письменность, этимологию, что я понимаю древний язык, что могу читать на вэньяне. В итоге китайцы так организовали программу, что на полдня отвезли нас в этот музей. Самым интересным и, наверное, самым дорогим и удивительным подарком (иногда дарят какие-то подарки) для меня был вот этот Аньян, где китайцы подарили мне муляж самого известного панциря черепахи. И это было только потому, что я просто заикнулась, что люблю и интересуюсь китайской письменностью! Поэтому такая нация может заслуживать только глубочайшего уважения! И я пытаюсь привнести это в практику образования.

ММ: Думаю, все ваши студенты усваивают это от вас.

ТВ: Я прививаю, стараюсь. Сейчас у меня ещё второе направление – обучение маленьких детей. Мне интересно обучение детей китайской письменности на основе метода Н.П. Лысенко. Но при этом им нельзя давать тот учебник, они его не освоят, он только для взрослых. Я разработала метод – культурно-этимологическая подача лексики. Культурные пятиминутки присутствуют на каждом уроке, и, если хоть что-то можно рассказать о китайской культуре, я обязательно ввожу это в любую ситуацию – и детям, и взрослым.

ММ: Китайская культура неотделима и от китайской кухни. Есть у вас любимые блюда, что-то готовите сами?

ТВ: Сама я умею готовить два блюда. Умею делать томаты с яйцами 鸡蛋番茄. Это я люблю, это моё! И – второе, умею делать древесные грибы муэр 木耳, делаю их без говядины. Муэр всегда привожу из Китая. Это два блюда, которые я действительно умею делать и которые у меня получаются. Всё остальное, я считаю, в России сделать нельзя, так как для этого надо иметь менталитет китайца. Это как пирожки у бабушки. Моя бабушка пекла пирожки, которые ели все. Но когда у неё спрашивали, как их делать, она не могла объяснить. Но все помнят её пирожки! То же самое и с китайской кухней, здесь нам сделать её нельзя. Я не воспитана в этой культуре, я – потребитель. Ну, чему-то научилась... А в Китае я воспринимаю её вместе с китайской культурой. Наверное, мне не хватает здесь знаний, как связать названия блюд с китайской культурой. Может быть, это будет моё пост-пенсионное образование [смеётся] – как формируются названия китайских блюд. Заказать еду в ресторане – для меня до сих пор стресс. Если просят «закажи нам что-нибудь», то я обычно прошу это сделать китайцев, давайте вы закажите чего-нибудь, а я переведу. Я могу только прочитать в названиях, что это мясо или рыба. Я знаю базовые, ну около сотни блюд. Могу их назвать, могу их узнать, всё-таки было 20 лет поездок в Китай, много было съедено! Я успела поесть и какие-то потрясающе вкусные блюда, и очень простую кухню. Когда путешествовала по Кайфыну и Лояну, я специально ела на уличных фуд-кортах, где самые маленькие ларёчки 小吃店. Но ела там, и до сих пор считаю, что там самая вкусная уличная кухня! Я всегда приучала всех студентов, которых возила в Китай, есть эту уличную кухню. Кроме того, я очень много училась в разных вузах, практически каждый год училась. В этом году (2020–2021) только уже заочно-онлайн я поучилась пять раз, на пяти курсах была только в этом году, начиная с августа месяца. И с 15 числа (марта) я выхожу на очередные курсы. В этом плане «удалёнка» пошла на пользу.

ММ: Это, наверное, стажировки от китайских вузов?

ТВ: Да, от китайских. Продолжая тему китайской кухни, не могу сказать, что я всегда в восторге. Нет, она мне не всегда понятна, это для меня экзотика. Бывает, я что-то поела, и знаю, что поела это первый и последний раз. У меня не складывается ни система, ни то, как я могу это сделать, описать. Да и как описать, что такое «ледовая зелень» 冰菜? Я знаю, что это такое, но как это описать людям, чтобы они это поняли? Поэтому я держу это в себе, а всем скажу, что китайская кухня – очень вкусная! Пусть не всё вкусное, но это уже мои личные пристрастия. Китайская кухня – часть великой китайской культуры. Великая нация порождает великую культуру. Другого нет.

ММ: Давайте поговорим также о современных учебных пособиях и учебниках китайского языка для школьников. Уже существует и ЕГЭ по китайскому языку, школа развивается, появляется много пособий. Кафедра ОмГПУ тоже создала свою линейку учебников для школьников, и вы также участвовали в этом проекте. Расскажите об этом опыте, как вы оцениваете современные УМК для школы?

ТВ: Считаю, что всё разбилось об это пресловутое ЕГЭ и требования ФГОС. Пока этого не было, изучение китайского языка в школе доставляло удовольствие. Сейчас учебники привязаны к ЕГЭ, обязаны к нему готовить, что неизбежно приводит к перегрузке. Иностранный язык нужен не всем (и английский, и французский, и китайский – любой иностранный язык), поэтому я бы делала его предметом по выбору во всех школах. Понятно, что без английского сейчас жить нельзя, потому что это образ жизни, его в любом случае выберут. А вот в отношении китайского языка, когда весь класс должен учить китайский язык, мне это до сих пор непонятно. Зачем это делать, если ребёнка можно развивать в каком-то другом русле? Может, он хочет вязать или ещё чему-то другому научиться! Может, есть какие-то другие предметы, в которых он хочет специализироваться. Кроме того, китайский язык – очень специфичная вещь, как и любой иностранный. А если учебники подвели под требования ФГОС, то подняли такие требования к знаниям, которые при массовом обучении изначально невозможны.

Учебники, сами по себе, прекрасны. Например, УМК А.А. Сизовой²⁶, Масловец О.А., Малых О.А.²⁷, Рукодельниковой М.Б.²⁸ Я ставлю хорошую «пятёрку», я по ним работаю, мне всего там хватает. Единственное, мне жалко тех детей, для которых эти учебники обязательны, потому что они не выбирали этот язык, они не выбирали эти УМК, и им очень тяжело! ЕГЭ по китайскому языку сложно сдать, потому что камнем преткновения становится письмо. Мы являемся разработчиками заданий для всероссийской Олимпиады школьников. Каждый год я составляю лексико-грамматические тесты, каждый год проверяю, как эксперт, эти олимпийские работы. Как правило, если пишут сочинение 20 человек, то оценивается не больше 6–7. Остальные – ноль. Это лучшие ребята, которые отобраны на Олимпиаду, но и они не могут писать! Я прекрасно их понимаю, этих детей! Причём большинство этих ребят даже не из школ, они из центров или от частных преподавателей. При этом я никогда не критикую учебники, так как с учебниками надо уметь работать, а это уже мастерство преподавателя. Учебник может быть вообще любой, лишь бы был, это моё требование. А дальше – учите! Можно «загубить» любой учебник и не научить никого, если не умеешь. Учебник хороший, а знаний нет. Или учебник никакой, а дети – золотые.

ММ: Какие темы, по вашему мнению, актуальны и необходимы сегодня в преподавании китайского языка? Какие темы «забыты» или требуют новых исследований?

ТВ: Иероглифика. Когда спрашивают (а китайцы всегда спрашивают!), есть ли «у вас урок письма» 你们有没有汉字课, из зала нередко звучат ответы – «нет» 没有没有. Я поднимаю руку: «У нас есть» 我们有汉字课, и тут снова

²⁶ Сизова А.А. и др. УМК «Китайский как второй иностранный». 5-9 класс. Учебное пособие.

²⁷ Масловец О.А., Малых О.А. УМК «Путешествие на восток». Школьная линейка для изучающих китайский язык как первый иностранный.

²⁸ Рукодельникова М.Б., Салазанова О.А., Ли Тао. УМК «Китайский язык» 5-9 класс.

идёт реплика из зала: «Действительно есть?» 真的有? Я говорю: «Да» 真的有.

Никто не верит, что мы тратим время на иероглифику, и почему-то иероглифика считается тратой времени. Зачем – они же могут срисовать, прописать. Ну, в конце концов, к пятому курсу как-нибудь «спасибо» 谢谢 напишут. Я же считаю, что иероглифика должна быть, и это не трата времени, это элемент фундаментального профессионального образования в области китайского языка. Если этого нет, то нет и культуры. Нет эстетического критерия – значит, нет культуры. Учить говорить нужно однозначно. Но считать, что письмо вторично, я с этим не соглашусь! Мы отводим большое количество часов под курс иероглифики. На первом курсе это одна пара в неделю, даже две иногда пары получается. И мы считаем, что это только на пользу студентам, потому что у нас априори читающие студенты, априори пишущие студенты, априори узнающие иероглифы студенты. Вот это и есть то направление, которое, я считаю, нужно развивать.

Второе направление – моё любимое аналитическое чтение. Большинство преподавателей ограничиваются разными видами чтения 精读、泛读 (изучающее, просмотрное чтение). Но все эти «ду» заканчиваются пересказом текста, от силы какой-то парой смысловых вопросов. А где анализ, лингвоанализ, с точки зрения тех же самых имён собственных, с точки зрения смысла, с точки зрения средств создания образа, с точки зрения стилистических средств, с точки зрения лексики? Это мало, кто делает. Этой школы в России, к сожалению, нет. Есть небольшие курсы по интерпретации текста, я видела даже учебник по аналитическому чтению (рассчитан где-то на полгода), его бурятский университет издал. Молодцы, здорово сделали! Я всегда говорю: сделайте лучше, чтобы критиковать!

Третье направление, скорее, задача, это сделать стилистику живой. Сейчас вышли современные учебники по стилистике Калинина О.И., Радус Л.А.²⁹, Шевцовой Н.И. Но у меня большие претензии к тем примерам, которые в них используются, потому что студент на третьем курсе не понимает ни иероглифическую составляющую, ни грамматическую, ни древний текст. Не хватает современных примеров. Я сейчас увлеклась современной китайской литературой, и у меня всегда лежит рядом тетрадка. Я сразу выписываю себе примеры для стилистики: здесь явное сравнение, здесь параллелизм, здесь ещё один приём. И каждый год меняю эти примеры в лекциях, чтобы студенты не пользовались прошлогодними. Я меняю примеры, меняю литературное произведение, которое им нужно проанализировать. Благо, современной китайской литературы много, она очень интересная! Я даю примеры явлений, в которых студент может найти стилистическую составляющую и не мучается над непомерной иероглифической и грамматической задачей, потому что примеры из древнего, классического языка – это удел всё-таки курса *вэньянь*. А стилистика называется «стилистика современного китайского языка». Получилось, что учебники есть, но применимы они лишь частично. То есть теоретически их можно применять, но примеры, всё равно, нужно давать свои. Сейчас созданы различные китаеведные ассоциации, например, Ассоциация развития синологии (АРС). Я уже участвовала у них в двух «Открытых диалогах», и мне понравилось, что очень много молодых преподавателей пытаются делать новые курсы и внедрять прогрессивные методики. Эти ребята делают новое, это очень интересно! Может, это неприменимо для меня, но есть интересные подходы, пособия по аудированию, по переводу. Да, я не совсем согласна с чем-то, но почему нет? Я же сказала, что учебник делается для себя. Если им это удобно, авторам, если они сделали это под свои курсы, значит, так и должно быть!

²⁹ Калинин О.А., Радус Л.А. Курс лекций по стилистике китайского языка. М.: Издательство ВКН, 2017. 344 с.

ММ: Вы заговорили о молодых специалистах, о новых поколениях и ваших учениках. Есть ли у вас любимые ученики?

ТВ: Нет любимых, есть «нелюбимые».

ММ: Про «нелюбимых» тоже интересно узнать!

ТВ: Здесь я стою на [беспристрастной] позиции. Есть такое французское слово «impartial», что значит «беспристрастный». У меня была учитель по аналитике французского языка Ивасюк Лидия Ивановна. Я от неё получила навыки аналитики, и её школу переняла. Говоря о позиции автора, она нас долго учила тому, что автор должен быть беспристрастным. Он должен показывать персонаж, но не должен ни жалеть, ни сострадать, ни радоваться за него. Эту прерогативу надо отдать читателю, но не автору. И я считаю, учитель тоже должен быть беспристрастным, он не должен «любить» кого-то. Он должен любить детей как таковых, как гуманист. Без этого нельзя быть учителем. А если любить кого-то или каких-то в группе, то моментально появятся «любимчики» и те, кого ты «не любишь», причём их может быть большинство. Это очень опасная вещь, поэтому я говорю, что «не люблю» никого. Я всех уважаю, априори уважаю. Потому что студенты разные, ребята разные. Есть очень умные, есть не очень умные, есть совсем не умные, есть порядочные, есть непорядочные – и со всеми надо находить контакт. Поэтому «любимчиков» нет. Но есть студенты, позиция которых мне нравится на первом курсе, когда они подходят и говорят: «Татьяна Владимировна, дайте мне любую работу, я её буду делать!» И я даю этому студенту работу, которая связана с китайским языком. Я их брала с собой на переводы, давала им какие-то фрагменты переводов. На мероприятиях они и просто стояли у меня «принеси-подай», были «заряжающими» (на подносе снарядов) переводчиками: визитки брать, встречать. И это студенты, которые приходят потом с горящими глазами («Дайте ещё!»), которые уже видят, как строится работа, видят, что нужно делать, чтобы из «заряжающего» переводчика превратиться в «стреляющего». Они абсолютно мотивированные, и потом они приходят к тебе и говорят: «Я хочу писать у

вас научную работу, хочу у вас писать диплом!» Они даже не спрашивают тему, им без разницы, они идут на преподавателя, они ему верят! Самое важное, когда студент верит тебе, и ты уже не посмеешь руководить его «работой спустя рукава», я не позволяю этого себе. В таком случае, эти студенты сами выходят на очень высокий уровень. Вот в этом году моя студентка поступила сразу в три магистратуры! Сейчас она учится, а её научный руководитель спрашивает: «Откуда вы всё знаете, как писать работы? С вами не надо работать по оформлению!» А её просто научили! Это те студенты, которые потом становятся опорой, которые будут работать.

ММ: Какие качества необходимы человеку, чтобы стать профессиональным китаеведом?

ТВ: Желание им быть, во-первых. И второе – это стремление всё делать максимально хорошо. Я всегда говорю студентам, что для себя у меня есть только оценка «пять». Я не знаю, что такое получить «четвёрку», я сделаю всё, чтобы получить «пять», чтобы быть первой! Может, я и не первая буду, я не говорю, что я лучшая из всех, но я стремлюсь всё сделать так, чтобы было ярко, и чтобы быть первой. В каких-то ситуациях я этого добила. Но это всё шло от желания – я хочу, и я сделала! Я часто говорю, что одну лекцию в полтора часа, если это новая лекция, я готовлю недели две. И это абсолютно нормально! Когда я говорю, что мне надо подготовиться к занятиям, не трогайте меня, вокруг делают круглые глаза – ты же эту стилистику ведёшь уже 25 лет! Я говорю – да! Но каждый раз иду и готовлю каждую пару. Потому что каждый раз её надо переделывать, иногда что-то надоело, или появились новые материалы, которые ты хочешь добавить, или изменились требования. Но самое главное, сейчас изменились мозги студентов, появилось другое восприятие. Поэтому приходится воспринимать студентов такими, какие они сейчас есть, а не ругать за то, что они ничего не читают или не ходят в библиотеку. И это не они должны подстраиваться к моим требованиям, которые формировались очень давно, в другую эпоху и в

другой стране, это я должна подстраиваться под эпоху и сделать так, чтобы я была доступна.

А третий критерий, чтобы стать хорошим китаеведом – это приоритет знания. Если не будет приоритета знания, то и китаеведом никогда не будете! Китайский язык – это безграничная пропасть, знания во всех областях нужны. Самое интересное, что эти знания находят отклик практически везде. Вспоминаю очень интересный случай в Китае, когда был банкет для правительственной делегации высокого уровня. Китайцы показывали то спиртное, которое будут пить. Конечно, была водка Маотай. Потом выносят ещё одну коробку – несут, словно жемчужину на руках. Говорят, «сегодня мы угостим вас нашим историческим вином, оно называется «Дукан», но вы, наверное, не знаете, что такое ‘Дукан’». Я стою с руководителем делегации и говорю, что знаю, можно я поясню? И спрашиваю китайцев, не знаменитое ли это китайское выражение 何以解愁——唯有杜康 (по стилистике есть такое выражение) «Чем развеять тоску – только Дуканом». Дукан – это такое божество вина, как в греческой мифологии был Дионисий. И когда я так осторожно спросила у китайцев, не про этот ли Дукан идёт речь, там наступила мёртвая тишина. Они рассчитывали на всё, но, чтобы кто-то знал и даже процитировал изречение про вино?! – это произвело невообразимый эффект! Мало того, мне этот Дукан подарили! Коробка теперь у меня стоит, я была единственная из делегации, кому подарили это вино! И как раз через неделю я приехала и читала лекцию о метонимии в китайском языке. Тогда-то я принесла студентам эту коробку с запахом Дукана, да ещё и рассказала эту историю. Наверное, это и есть педагогическое и переводческое счастье, когда тебя ценят! Когда всё, что ты вложил, начинает как-то окупаться, и ты в этом купаешься! Сколько вела эту стилистику, 25 лет, и даже мысли не было, что когда-то я этот Дукан попробую, а, главное, применю слово в деловой ситуации. Нужно много знать – это удел и преподавателя, и переводчика. Студенты сейчас любопытнее, чем прошлые поколения. Не

столько стремятся к фундаментальным знаниям, сколько им нужна изюминка, что-то интересненькое дать, красивенькое, удовлетворить это любопытство.

ММ: Татьяна Владимировна, спасибо за интереснейшую беседу! Напоследок, скажите ваше китаеведческое кредо!

ТВ: Я сегодня готовилась к этому вопросу! Был список ваших основных вопросов, и я могу его озвучить ещё раз – это оценка «пять» и цифра «один». Для этого нужно быть согласным вкладывать: сначала вкладывается в китаеведение, а потом получают дивиденды. Многие студенты не хотят идти работать учителем, там зарплата маленькая. Но ты начни! Может, потом ты будешь высокооплачиваемым преподавателем. Я начинала переводы делать бесплатно. Я училась. Потом со временем назначались цены. Но я никогда не отказывалась от работы! А зачем ты это делала? Не знаю, наверное, ответственность, это первое. А второе, мне это нравится!

К вопросу о китаеведческом кредо – надо хотеть этого. Если не будете хотеть, ничего не получится! Видеть препятствия, которые есть на пути к вашей цели, и преодолевать их. Выдающихся специалистов, себя я к таким не отношу, можно сосчитать на пальцах. Тех, у которых я хотела бы учиться, их мало. К сожалению, я не готова учиться у современной молодёжи. Я не вижу в них *Л.Д. Позднееву*³⁰, не вижу в них *В.М. Солнцева*³¹, не вижу *А.А. Драгунова*³², не вижу *В.И. Горелова*³³, не вижу *А.Л. Семенас*³⁴, не вижу О.М.

³⁰ *Позднеева Любовь Дмитриевна* (1908–1974). Китаевед, д.ф.н. (1956). Окончила ЛГУ (1932). Дочь востоковеда Д.М. Позднеева (1865–1937). Преподаватель ДВГУ (1932–1939), МГУ (с 1944). Первый завкафедрой кит. филол. ИВЯ. Спец. по кит. литературе.

³¹ *Солнцев Вадим Михайлович* (1928–2000). Китаевед, д.ф.н. (1970), профессор (1971). Членкор АН СССР (1984). Окончил МИВ (1949). Преподавал в МИВ (1949–1954), МГИМО МИД СССР (1954–1959), ВИИЯ. Сотрудник (с 1958), зам. дир. ИВ (1965–1986), дир. Ин-та языкозн. АН СССР (1987–2000). Руков. изданием «Большого вьетнамско-русского словаря».

³² *Драгунов Александр Александрович* (1900–1955). Востоковед, китаевед, тибетолог, канд. языкозн. (1937). Окончил ЛГУ (1925). Изучал кит. диалекты, автор работ по дунган. яз. Преподаватель Воен. акад. им. Н.Г. Толмачёва (1925–1926, 1935), ЛВИ–ЛГУ (1928–1942), ДВГУ и ДВПИ (Владивосток, 1930–1936). Сотрудник ИВ АН СССР (1928–1955). Иссл. грамм. соврем. кит. яз. и ист. кит. яз.

³³ *Горелов Владимир Иванович* (1911–1994). Китаевед, д.ф.н. (1968), профессор (1967), Засл. деят. науки РСФСР. Окончил МИВ (1941). Сотрудник Гос. музея нар. Вост. (1936–

Готлиба! Как только я увижу эти фамилии, я буду готова учиться даже у пятнадцатилетних! Пока эпоха современная их не даёт, к сожалению. Но всё впереди!

1937, 1943–1946) и Гл. упр. геод. и картогр. Преподавал в МИВ, ВИИЯ (1946–1956), МГИМО (1956–1988). Переводчик 9 работ в «Избр. произв.» Мао Цзэ-дуна (1952–1953).

³⁴ Семеновна Алла Леоновна (1937–2007). Китаевед, д.ф.н. (1993), сотрудник ИВ АН ССР/РАН (1961–2005). Окончила фак-т кит. яз. и лит-ры Пекин. ун-та (1961). Участвовала в сост. БКРС и др. кит.-рус. словарей. Спец. по лексикол. и лексикографии кит. яз.